

Едва А Жун вернулся в себя, как за дверью послышались шаги. Женщина средних лет, его нянюшка(Момо) Пинь, регулярно проводывавшая его днем и ночью, мягким и обеспокоенным голосом спросила:

— Сяо-Жун, ты проснулся?

— Да, — ответил юноша, опуская плавно ноги на пол в полуповороте и оправляя складки белой нижней одежды из тонкой ткани. Тут не было принято показывать голое тело. Это было ну очень неприлично. Средневековье!

Женщина быстро распорядилась кому-то за спину:

— Иди и помоги нашему Сяо Жуну.

Дверь скрипнула, и появилась юная служанка с чашей для умывания, краснея щеками и взглядывая из-под ресниц блестящими глазами на красивого молодого хозяина. Каждый раз это была новая девочка. Особу 13 лет как-то язык не поворачивался называть девушкой. Но тут в этом возрасте уже выдавали замуж, даже раньше. В гаремы могли продать с 11 « для обучения и воспитания»— это так называлось. А в служанки и вовсе с 6 лет. Среди состоятельных господ хватало любителей молодого мяса.

— «ФЫ», — немного раздраженно фыркнула Чэнь Жунь — «она явно нам не ровня».

Даже эта уже воспринимала девочку вполне конкуренткой, так и оценивала.

Пожилая женщина, нянюшка, встала позади Чэнь Жуна, чтобы помочь ему расчесать длинные, густые и гладкие волосы. Она делала это каждое утро - своеобразный ритуал. В той жизни он носил стрижку. Но и тут, и там длинные волосы были признаком статуса и проводником эфира.

Но на заданиях они мешали.

У этой женщины было круглое улыбчивое лицо, излучавшее доброту, и небольшие узкие преданные глаза, теряющиеся в полных щеках. Она внимательно посмотрела на Чэнь Жуна, прежде чем сказать:

— Слуги готовы. Мы можем отправиться в любое время. Остались лишь ваши личные вещи.

Чэнь Жун что-то пробормотал в ответ, все еще наслаждаясь процессом расчесывания. Видя его спокойное состояние, женщина немного расслабилась и продолжила, с удовольствием

разбирая и укладывая длинные блестящие пряди:

— Сяо-Жун, в этом месте уже беспокойно, на рынке хватает тревожных разговоров, мы должны двигаться на юг. Дом Чэнь намного сильнее большинства крупных кланов. По крайней мере, у нас есть родственные люди на юге.

Чэнь Жун тихо хмыкнул. Даже из воспоминаний А Жунь он понимал что клан Чэнь ну о-очень огромный. Его ветви - а следовательно - поместья - есть едва ли не в каждом крупном городе. Женщина обрадовалась, что юноша, на которого вдруг свалилось столько ответственности, спокойно согласился с отъездом: выражение его лица не было таким потерянным, как пред его горячкой, и добавила, собирая волосы заколкой-зажимом в высокий хвост:

— Теперь ты понимаешь необходимость отъезда, Сяо Жун? Тебе больше не будут сниться кошмары?

Чэнь Жун согласно кивнул. Все кошмары той и этой жизни были тщательно записаны в его блокнот, спрятанный в вышитый кошелек на его поясе.

В это время из-за двери раздался мужской голос:

— А Жун, наш багаж подготовлен. Когда мы выезжаем?

Слушая этот хорошо знакомый голос, от которого в сознании Чэнь Жунь буквально выпрыгивала из него от ярости, Чэнь Жун прищурился и внезапно спросил, ощутив озарение:

— Какой сегодня день?

Этот вопрос застал мужчину врасплох, он недоуменно ответил:

— День вола (1).

День вола? Чэнь Жун встал. День вола! Правильно, через три дня в полночь она, нет, теперь "Он", столкнется со своей первой бедой. Пока пожилая женщина в замешательстве отступила, глядя на него, он медленно сел. А Жунь в сознании буквально подпрыгивала.

— Это ведь дядя У?

Стоявший снаружи человек все больше удивлялся. Он громко ответил:

— Да, я дядя У. Сяо-Жун, что случилось? — Сказав последние слова, он решительно распахнул дверь.

На пороге появился мужчина средних лет, достойно, но сдержано одетый, с худым бледным лицом и жидкой бородкой. Ну да, именно он был им встречен на теневом рынке.

В тот момент Чэнь Жун полоскал рот. Для человека такого возраста подобное поведение было довольно дурным тоном, особенно учитывая, что он считался «ученым». Образованные люди в эти времена были редкостью и, как правило, относились к аристократии. И лишь в редких случаях они могли быть выходцами из купеческих низов. Образованный (ученый) человек априори причислялся к благородным. Именно так и попадали в аристократы. Выучивая наиболее способных сыновей и давая им возможность сдать экзамен и получить чиновничью должность. Это было равносильно ненаследному дворянству. Далее – выгодный брак с аристократкой и рост в должностях, приобретение земли – и новый дворянин готов. Но и требований к его поведению и поведению его семьи сразу появлялось не мало.

Юноша взглянул на мужчину. Зрение немного расфокусировалось, открывая ауру собеседника. Чэнь Жунь аж ахнула где-то внутри. Она только теперь смогла воочию увидеть жадность, завистливость, похоть и злобу, скрытые за его, казалось бы, мягким и доброжелательным лицом. Стоящий перед ним человек вроде как был ученым, которого ее отец спас во время одного из своих путешествий с караваном. Все это время отец относился к нему, как к другу.

Он предоставил ему хорошее место в усадьбе и даже попросил своих детей, и на памяти обоих именно так и было, сына и сына (в её реальности – дочь), и всех слуг называть его «дядей». Впрочем, так оно было. И именно этот человек в памяти Чэнь Жунь вступил в тайный сговор с бандитами. Свидетельство этому увидел и сам Чэнь Жун.

В ночь перед тем, как они выехали на юг, в дом ворвались вору и украли все ценные вещи, убив часть прислуги. Если бы отец втайне от всех не спрятал немного золота в своем кабинете, девушка не смогла бы самостоятельно отправиться на юг. Она давно бы стала побираться на улицах и, конечно же погибла бы во время падения города!!

Чэнь Жун пристально посмотрел на дядю У и неторопливо произнес:

— Мы отбываем сегодня днем.

— Что? Сегодня днем? Сяо Жун, может, стоит подождать еще несколько дней? — Тут же обеспокоился дядя У.

Чэнь Жун тихонько усмехнулся, а Чэнь Жунь в сознании — подбоченилась, затем его похорошевшее лицо обрело уверенность и даже некоторую жесткость.

— Я сказал, что мы уезжаем сегодня днем! — громко повторил он. — Всё давно собрано, слуги готовы.

И хотя к словам юноши прислушивались куда больше, чем к словам девицы, но, тем не менее, он был молодым 15-летним мальчишкой, который еще не достиг достаточного влияния и

нуждался по закону в опеке хотя бы еще год.

Мужчина взглянул на пожилую женщину позади него и требовательным голосом произнес:

— Няня Пинь, ты что-то сказала Сяо Жуну? Путешествие с караваном на юг — это серьезное дело и требует основательной подготовки, как мы можем тронуться в путь, повинувшись юношеским капризам? — При этом он что-то вспомнил и повысил голос: — Кроме того, у Сяо-Жуна было много кошмаров на протяжении последних ночей, он видно еще не оправился от сезонной лихорадки. Так как он плохо себя чувствует, и жар вот только спал, почему бы не отдохнуть еще пару дней?

Добрая женщина быстро вышла вперед и взглянула в лицо Чэнь Жуну:

— Чэнь Сяо-Жун, дядя У прав...

Чэнь Жун прервал ее, крикнув:

— Я сказал, что мы уезжаем сегодня днем! — и для достоверности приказа топнул ногой.

Дядя У хотел воспротивиться такому категоричному решению юноши, но, встретившись с его небесными бездонными глазами, так похожими на глаза статуи Тенгри в храме Неба, по слухам, сделанные из небесного нефрита, он почему-то вздрогнул и проглотил рвавшиеся из него слова возражения. Чертов мальчишка становился непозволительно красив. Настолько, что слова застревали в глотке. Пожалуй он переговорит кое с кем и сможет на этом тоже заработать.

— Закрой дверь, — приказал Чэнь Жун, отводя взгляд. Он уже достаточно увидел. Определенно, в этой жизни его дар сильнее и прогрессирует ощутимо быстрее. Впрочем, это можно объяснить тем, что он знает, что и как делать и не теряет времени даром.

Как только мужчина ушел, Чэнь Жун отправился в кабинет отца, в котором находились толстые связки деревянных и бамбуковых карточек и шелковые рукописи, скрученные в свитки и хранящиеся в футлярах, либо обернутые тканями. Наиболее ценные старинные книги были уложены в деревянные коробочки-шкатулки.

В прошлом А Жунь, после того, как дядя У сговорился с ворами украсть богатство ее семьи, и находясь в отчаянии, она вспомнила слова своего отца: "если произойдет что-то неожиданное, иди в кабинет".

Он не помнил, были ли сказаны эти слова и в этот раз.

Проплакавшись тогда, она случайно обнаружила множество золотых пластин в этих книгах и карточках. Благодаря им она и выжила. Грабителям книги отчего-то показались

бесполезными.

На улице раздался громкий лязг. Это слуги занимались сбором имущества. В настоящий момент почти весь рабочий двор был готов и заставлен повозками с барахлом; скоро они перейдут и на кабинет. Шумные голоса, грубые крики — все они были так приятны для его ушей. Как эта глупая девчонка не понимала подобного раньше? Впрочем, ее не в чем винить, женщинам мало чего позволялось в этом мире и тем более — в этом времени.

Чэнь Жун медленно сел в отцовское кресло и достал шелковый свиток из бамбукового футляра, продолжая прислушиваться к шуму на улице. А Жунь подсказала, что золото было спрятано среди табличек и внутри свитков, прямо меж ткани. Он же щелкнул по бамбуковой планке, судя по ее весу, там точно был не один бамбук. Сняв обмотку, понял, что у полрой планки, с которой начинался и которой завершался свиток — чжоу — есть «начинка», так же как и в монастырском свитке. Он вытянул ровную нить крупного жемчуга за красный шнур обмотки. Чэнь Жунь была в шоке. Оказывается, она довольствовалась куда меньшим... лишь тем, что было просто вложено в футляры и шкатулки для наиболее ценных экземпляров библиотеки. Цэ - наборы бамбуковых книг-планок. Больше того, она все эти книги оставила... предпочтя загрузить прочие материальные ценности типа рулонов шелка...

Мысленно он в голос ржал над ее причитаниями... Во многом были понятны гнев и недоумение аристократов... хотя те так и не стали открывать девушке, и так пострадавшей дурочке, всю глубину ее ошибки... Но была и иная ценность собранных губернатором в своих путешествиях и за время службы, манускриптов.

Как минимум, пара из мельком увиденных, были магическими, не говоря уже о более древних дощечках. И в отличие от монастырских, тут все книги были в идеальном состоянии.

Определенно их цена была совсем не мала и без секретной начинки. Каждый свиток тянул минимум на пару рулонов шелка, но был куда компактнее. Он лишь вскользь прошелся вдоль стеллажей книжных шкафов, оценивая клад и любясь раритетами. Он не знал, сколько времени прошло, когда из-за двери громко позвали:

— Сяо-Жун, ты в кабинете? Старейшина Сунь И здесь.

Это был голос дяди У. Лицо Чэнь Жуна потемнело: дядя не знал, когда нужно сдать. Он даже пригласил Старейшину Сунь! Вот ведь упрямый хапуга! Он вздохнул, окинув взглядом кабинет. Наверняка тут были еще и тайники, которые следовало изучить - как минимум. А Жунь на это захлебнулась воздухом, явно ощущая себя глупой девчонкой.

— Няня Пинь, Сяо Жун в кабинете? — снова крикнул мужчина. — Старейшина Сунь пришел в гости, потому что слышал, что он плохо себя чувствует. Известите Сяо Жуна, чтобы он вышел его поприветствовать!

Чэнь Жун поднялся. Прежде чем нянюшка Пинь ответила, прозвучал его кристально-чистый молодой голос:

— Я иду.

Дверь кабинета отворилась. На пороге стоял пожилой мужчина с седыми волосами и белой благообразной бородой. Это был Старейшина Сунь. Точнее Лао Ван СуньИ - старейшина княжеского клана. До того, как его отец уехал в столицу, он возложил ответственность за благополучие и обучение сына на этого человека. Довольно известного в городе (и не только) ученого, нашедшего тут спокойное место для своей работы по изучению северных племен. Ямэню (отцу Жуна) был дан императорский указ всячески способствовать изысканиям ЛаоВана. Они быстро нашли общий язык и множество совместных интересов, ямэнь тоже увлекался севером и книгами, ну и невольно поручил ученому своего младшего сына. А тот не отказался.

Юноша не имел права ему перечить.

Собственно, старейшина руководил его образованием. И Чэнь Жун, слава Небу, всегда старался наставнику показаться умным. Конечно, старейшина был занятой человек, и их занятия бывали не часто - раз в месяц примерно, и более напоминали философские беседы и проверку изученного с дядей У и самостоятельно материала, реже партию в го, но несомненно, были полезны для юноши.

Чэнь Жун бросил взгляд на дядю У, который выглядел очень самодовольно, и только потом склонился в уважительном поклоне.

— Приветствую Вас, наставник ЛаоВан СуньИ.

Старик кивнул. Он подошел прямо к Чэнь Жуну, оценивающе на него посмотрел и покачал головой. Юноша Чэнь стал слишком хорош собой, возможно, что краше иных девиц. Одет со вкусом, и приличествующе случаю. Образ ученого-аристократа складывался из многих нюансов.

Впрочем, мальчик был довольно талантлив в изучении шести наук, учитывая его юный возраст. Он весьма неплохо ездил верхом, стрелял из лука, играл в го, хорошо для своего возраста знал каллиграфию и языки, занимался упражнениями развития ци, мог вести беседу на своем уровне. Это, можно сказать, прекрасный показатель его собственных стараний.

Основное обучение молодых людей в эту эпоху, как правило, начиналось после 16 лет. К тому же мальчик был щедр и умел себя подать, как оказалось. Тому свидетельство местного настоятеля храма Тенгри, упомянувшего юного Мастера Чэнь как вернувшего храму его утраченные сокровища в своем наставлении горожанам.

— Я слышал, что ночью тебе после болезни снятся кошмары. Тебя посетил доктор?

— Нет, мастер Сунь. — Чэнь Жун покачал головой. - Сегодня его еще не было.

Старейшина Сунь нахмурился. Увидев это, дядя У тут же вставил:

— Господин Сунь, пожалуйста, переубедите Сяо Жуна. Он говорит, что хочет отправиться в путь уже сегодня днем. И это при его-то состоянии после лихорадки и беспамьятства! Как далеко находится юг? Не будет ли слишком поздно о чем-то сожалеть, если что-то случится по пути?!

Старейшина Сунь И снова согласно кивнул, огладил бороду, затем взглянул на женщину, стоявшую позади Чэнь Жуна:

— Няня Пинь, попроси сяо-цзы вернуться в свою комнату. Вы выедете через три дня.

— Да, господин.

Затем он повернулся к окружающим их слугам.

— Это не шутка. Не сводите глаз с Сяо-Жуна. Заприте его, если он будет упрячиться и своевольничать! Он молод и не понимает опасностей предстоящего пути!

— Да, господин!

— Почему вы еще не пригласили доктора?

— Уже!

Старейшина Сунь отдавал приказы один за другим. Закончив, он махнул рукавом и развернулся, чтобы уйти.

Дядя У бросил взгляд на Чэнь Жуна и, пока никто на него не смотрел, усмехнулся. Затем он побежал вслед за Старейшиной Сунем.

Чэнь Жун тайно усмехнулся. Не ему с ним бороться в интригах. Все было продумано и пока дядя вполне шел по канве выстроенного им сценария.

В помещение вбежал запыхавшийся доктор.

Понятно, что указания самого Лао Ван Суня не обсуждаются, это один из наиболее влиятельных мастеров Пинга.

Он осмотрел юношу и с удовольствием констатировал, что тот фактически здоров. О чем тут же и доложил с удовольствием старейшине, конечно упомянув, что это заслуга исключительно

его глубоких познаний в медицине.

Чэнь Жун не стал такое отрицать. И с приличествующим случаю уважением поклонился доктору, подтверждая его заслуги.

Старейшина, удовлетворенный не столь словами доктора, он и так видел, что с мальчиком все в порядке, сколь правильным благородным поведением подростка.

— Но спешить с отъездом не следует! — Внушительно сказал он, подводя итог.

<http://erolate.com/book/1285/36054>